

Вырезка из газеты
ДНЕПРОВСКАЯ
ПРАВДА
г. Днепропетровск

26 ДЕК 1982

«Братья-разбойники»: истинное происшествие

11 ноября 1823 года А. С. Пушкин пишет П. А. Вяземскому о завершении поэмы «Братья - разбойники»: «Вот тебе и разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мною не выдуман».

Перечитывая поэму и приведенное письмо, трудно избежать вопросов: был ли Пушкин свидетелем «происшествия», где в это время жил поэт, в какой части Екатеринослава мог произойти побег двух заключенных, кто были эти смельчаки?.. Вопросы эти затрагиваются в опубликованных в 1899 г. письмах екатеринославских старожилов. Главное внимание авторы сосредоточивали на пребывании А. С. Пушкина в 1820 году в пригороде Екатеринослава — Мандриковке. Но наряду с этим авторы заявляли, что побег двух закованных арестантов через Днепр был совершен с территории Мандриковки, что там была тюрьма и что поэт был свидетелем побега.

Таким образом, можно допустить, что в 1820 г. в Екатеринославе было два места заключения: одно на Качельной площади (ныне территория театра оперы и балета), сооруженное в последней четверти XVIII века и значащееся на плане города 1792 года, а второе — на территории Мандриковки.

Впрочем, на планах города 1792 и 1817 гг. тюрьма в Мандриковке не значится. Но это вовсе не означает, что ее там в действительности не было. Как утверждает автор многолетней истории царской тюрьмы М. Н. Гернет, в связи с недостатком и перенаселенностью специальных тюремных помещений, последние в начале прошлого века «устраивались в частных наемных домах, совсем не приспособленных для содержания заключенных». Положение в Екатеринославе не представляло исключения. В этой связи совершенно интересно сослаться на сообщение екатеринославского губернатора, относящееся к 1817—1818 гг., в котором он, донося о тесноте тюрьмы в Екатеринославе, вменяющей до 200 арестантов, сообщает о существовании на территории Екатеринославской

Виктор Яковлевич Рогов, чью статью — еще одну страницу драгоценной летописи пребывания на Екатеринославщине А. С. Пушкина — мы сегодня публикуем, по образованию инженер. Но вот уже более двадцати лет он увлеченно, кропотливо и обстоятельно занимается краеведческой работой. Его имя известно всем, кто когда-либо обращался к истории нашего родного края. Работы Виктора Яковлевича, опубликованные во многих изданиях, в том числе специальных, получили одобрение авторитетных ученых.

губернии земляных тюрем. «Тюрьмы сии, — говорит он, — действительно стеснительны для подсудимых при множественном стечении их». Можно ли после этого удивляться, что одна из подобного рода тюрем — Мандриковская — не показана на плане города?

И еще одно соображение в пользу существования небольшой тюрьмы именно в Мандриковке. Необходимо напомнить, что через этот пригород Екатеринослава проходил пересыльный тракт, протянувшийся от Симферополя на Екатеринослав и далее на Харьков. Вблизи Екатеринослава тракт этот проходил через Войсковое, Звонецкое, Волоское, Лощманскую Каменку, Мандриковку, т. е. через села, расположенные по правому берегу Днепра. Недаром дорога эта в «Списке населенных мест Российской империи» 1863 г. числится как «Этапная». По этой дороге и шли заключенные на Екатеринослав. По пути следования тюрем не было, а были так называемые этапные и ночлежные помещения. Возможно, возникнув как этапное, помещение в Мандриковке в дальнейшем превратилось в «филиал» тюремного замка.

Существующая версия побега учитывает наличие только одной тюрьмы, т. е. тюрьмы на Качельной площади, а откуда следует и все последующее. Место побега было в районе тюрьмы; спасаясь от преследователей, «разбойники» устремились к широкой песчаной косе, пролегающей в сотне метров от берега, и с этой косы, сразив сначала булыжником одного из преследователей и сбив камнем кандалы, отправились вплавь через Днепр. При рассмотрении существующая версия вызывает возражения. Во-первых, весной коса, о которой идет речь, заливалась водой, а в остальное время года была покрыта слабой растительностью; во-вторых, расстояние от косы до левого берега было огромным и никаких островков на пути не встречалось; в-третьих, вызывает сомнение наличие на песчаной ко-

се такого количества камней, которыми беглецы не только отбивались от преследователей, но и сбивали собственные кандалы; и, наконец, в-четвертых, река в этих местах не имеет высоких берегов, а в

«Мы к ней — и с берегов
высоких

Бух! поплыли в водах
глубоких,

Цепями общими гремим...»
Если же допустить, что побег был совершен в районе мандриковской тюрьмы, то здесь, по-видимому, имелись более благоприятные условия для успешного побега. Вблизи находился Становой остров (впоследствии, Воронцовский), расстояние между мандриковским высоким берегом и островом в некоторых местах доходило до 80—90 метров, причем, плыть нужно было меньше, так как у острова была отмель. Дно реки в этих местах гранитное, из воды выступали гранитные столбы. И укрыться было где: Становой остров имел в длину более четырех километров и в ширину более километра, вся площадь покрыта лесом лиственных пород. Но самое главное заключалось в том, что между Становым островом и левым берегом Днепра располагался ряд островов, а в их числе Серебряная коса.

Существенным вопросом является вопрос о личности беглецов. В некоторых публикациях авторы предполагают, что это, возможно, братья Засорины, принимавшие активное участие в крестьянском движении 1818—1820 гг. Во всяком случае, личность бежавших нельзя рассматривать, абстрагируясь от тех социально-политических событий, которые происходили в то время на Дону и в ряде уездов Екатеринославской губернии. О небывалом размахе крестьянских волнений свидетельствует не только количество участников, доходившее до 45000 человек, но также необыкновенное упорство, твердость, непримиримость, проявленные восставшими. «...Безрассудство крестьян, — говорится в рапор-

те генерала А. И. Чернышева на имя Александра I, — потрясло и остановило существующий порядок: на почтовых и внутренних станциях лошади вообще захвачены ими были для разъездов...» В таком своевольном расположении крестьяне, сливаясь в значительные толпы... и, быв окружены высланными мною командами, скоро составили круг арестантов до 6000 человек...»

Надо сказать, что такой «круг арестантов» захвачен только в одном из районов восстания, а ведь таких районов было несколько. Все это, несомненно, служило благотворной почвой, на которой возрастало немало смелых и свободолюбивых людей. И можно с большой долей достоверности считать, что побег совершили именно такие люди. Ибо мужество беглецов, жажда свободы, заставившая их, закованных вместе, прыгнуть в воды Днепра и отбиваться от преследователей, родят их с теми безвестными героями, которые в то самое время вели неравную борьбу с регулярными царскими войсками и кого потом, по решению специальной комиссии, ссылали в Нерчинск на каторжные работы, на поселение в Сибирь, насильно передавали в солдаты или на тяжелые работы на Луганский литейный завод. Надо сказать, что и тогдашние читатели, современники Пушкина, воспринимали образы поэмы как аллегория политической борьбы. В мае 1823 года П. А. Вяземский писал о поэме А. И. Тургеневу: «Я благодарил его (Пушкина) и за то, что он не отнимает у нас; бедных заключенных, надежду плавать с кандалами на ногах».

Изложенная «мандриковская» версия, по нашему мнению, объединяет в единое целое разрозненные ранее события и факты, как бы составляя все на свои места. Она дает нам возможность лишней раз подтвердить местожительство поэта в Мандриковке, устраняет сомнения в том, что Пушкин мог быть свидетелем «происшествия», подтверждает свидетельство наших далеких екатеринославских краеведов о существовании тюрьмы в Мандриковке и, наконец, пытается наметить новую «географию» побега.

В. РОГОВ,
краевед.

г. Днепропетровск.